

ДМИТРИЙ КИМ

ФОРМУЛА ВЫЖИВАНИЯ

КАК ОДНА НОЧЬ В ДЕТСТВЕ
ОПРЕДЕЛИЛА ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

18+

Дмитрий Ким

Формула выживания.

Как одна ночь в детстве

определила всю мою жизнь

<https://litres.ru/74187303>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Формула выживания» — не история успеха. Это история человека, который умел преодолевать любые препятствия — и не замечал, что многие из них создавал сам.

Одна ночь в детстве научила Дмитрия Кима главному: бояться нельзя, слабость опасна, выживает сильнейший. Эта клятва провела его через домашнее насилие, улицу, девяностые, большие деньги, алкоголь, предательства и банкротства.

Он строил бизнесы, поднимал заводы, обеспечивал семье достаток — и не раз терял всё. Менялись города и компании, но финал оставался прежним: взлёт, конфликт, разрушение, новый старт. В сорок четыре года он оказался ночью под дождём в Москве — без дома, без денег, с чемоданом и кофром для костюма.

Тогда впервые возник вопрос: а что, если дело не в обстоятельствах и не в людях?

Ответ пришёл с заводов. У предприятия, как и у человека, есть прошлое. И оба годами живут по сценарию, который когда-то помог выжить, а потом начал разрушать.

Книга о том, можно ли изменить этот сценарий.

Содержание

Глава	5
Глава 1. Кофр с костюмом	6
Глава 2. Шлагбаум	8
Глава 3. Длина поводка	10
Глава 4. Крылатые качели	14
Глава 5. Дед Иван	18
Глава 6. Где ремень	23
Глава 7. Учительница	27
Глава 8. Дима, помоги	31
Глава 9. Это мое место	33
Глава 10. Пошли вы все!	37
Глава 11. Олег	42
Глава 12. Пивной магнат совхозного разлива	46
Глава 13. Зверь	52
Глава 14. Конопляный угар	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Ким
Формула выживания.
Как одна ночь в детстве
определила всю мою жизнь

Глава

ФОРМУЛА ВЫЖИВАНИЯ

Как одна ночь в детстве определила всю мою жизнь
невыдуманная история

Моим родителям посвящается

Глава 1. Кофр с костюмом

Дмитрий Ким

Я стоял в час ночи под проливным дождём в Кривоколенном переулке, держа в руках кофр с костюмом и чемодан. Почти сутки до этого я провёл за рулём такси — чтобы заработать на ночлег и хоть немного отправить семье. Уже десять дней я держал чемодан в хостеле, но платил только за те ночи, когда оставался спать. Экономил каждую копейку. Видимо, этот мой лайфхак просекли: сегодня обычно радушная хозяйка со словами «Мне такой жилец не нужен!» выставила меня на улицу.

Ещё полгода назад я был директором фабрики. Супруга управляла купленным по франшизе магазином. По выходным мы любили обедать всей семьёй в лучшем ресторане Новокузнецка The Plov. В будни, по вечерам, нам нравилось, сидя на кухне, пить чай, строить планы на будущее и философствовать о смысле бытия. Иногда катались на велосипедах или мотоцикле, выезжали на Алтай порыбачить и полетать на парашуте. Жили простой и довольно счастливой жизнью до тех пор, пока всё внезапно не рухнуло.

В который раз мне предстояло начинать всё с нуля. Раньше перемены будоражили, наполняли кровь адреналином. Теперь я чувствовал только усталость и тягостное ощущение, будто последние семь лет хожу по кругу.

Всё повторялось почти без изменений: яркий старт, работа на износ, первые серьёзные результаты, разногласия с собственником, конфликт, громкий уход — и новый проект, в который я снова входил с надеждой, что на этот раз всё сложится иначе. Но каждый следующий финал оказывался болезненнее предыдущего.

Дождь не прекращался. Я поднял чемодан, поправил кофр и пошёл на Мясницкую. До утра можно было не думать о том, что меня ждёт.

Глава 2. Шлагбаум

Проснулся в семь утра от пронизывающей тело боли. Давно не приходилось спать на металлических пружинах, застеленных тонким ватным одеялом. Хостел, который я нашёл в одной из подворотен на Мясницкой, скорее гетто для начинающих хипстеров, чем место ночёвки туристов. Посидев на краю кровати и постепенно придя в себя, увидел на руках, а затем и по всему телу маленькие красные точки. Они зудели. «Ещё и клопы кусали», — усмехнулся я и побрёл в душевую. Тесная, вонючая каморка, где между душем, унитазом и раковиной можно было стоять только на одной ноге, ведро с горой использованной туалетной бумаги сначала вызвали приступ тошноты. Усилием воли я всё-таки смог абстрагироваться от запахов и вида загаженных бумажек. Взгляд застыл на облезлом зеркале, из которого на меня смотрел немолодой мужчина. Короткая стрижка, мелкие морщины вокруг глаз, круглое полноватое лицо. «В сорок четыре года ты мог бы выглядеть и лучше, Дима», — пронеслось в голове. Побрившись и приняв душ, я чистил зубы и думал о предстоящем дне. Представлял, как снова сяду за руль и буду, пока хватает сил, возить пассажиров по улицам лучшего города на земле — Москвы. От этих мыслей приятно защемило внутри. Я оделся и побежал к метро, чтобы поскорее добраться до машины и начать накатывать колею в своё светлое будущее.

Сев за руль и включив приложения служб такси, я получил первую плохую новость: оказывается, компания — арендодатель автомобиля оштрафовала меня вчера на три тысячи рублей за сорванные заказы, которые я не увидел в их системе, забыв её отключить. Затем была девушка, всю дорогу кричавшая мне: «Налево! Направо! Быстрее! Не тормози!» В какой-то момент я не выдержал и грубо бросил ей: «Прекратите истерику! Коня себе купите и погоняйте им!» Она ошарашенно посмотрела на меня: «Это не истерика, просто я тороплюсь». Потом случился индеец (настоящий, из Северной Америки), с которым пришлось проехать по платной дороге, но он отказался её оплатить, и я матом выгнал его из машины. А завершился день в Люберцах, когда я решил проехать через территорию строительного рынка, будучи уверенным, что часы на их парковочной территории бесплатны. Но, подкатив к шлагбауму на выезд, я увидел, что первые пятнадцать минут стоят пятьдесят рублей! Бесплатно — это если больше пятнадцати минут, но не более трёх часов. Я был в бешенстве. Каких только слов не произнёс в адрес изобретателей этой западни. Когда словарный запас иссяк, я вспомнил, что кто-то из таксистов рассказывал, как на платных дорогах проскакивал через шлагбаумы, пристроившись за попутной машиной. Я рванул за первой же попуткой. Шлагбаум оказался намного шустрей, чем я предполагал. Итог — царапины и вмятины на стойке и крыше.

Глава 3. Длина поводка

Досада, боль, отчаяние из-за собственной глупости — все эти чувства перемешались каким-то ужасным коктейлем внутри. Я обзвонил несколько кузовных мастерских, выяснил, что ремонт обойдётся в десять тысяч рублей! «Весь мой чистый заработок за пять дней. А ещё штрафы от компании. И наверняка придут штрафы за нарушение правил дорожного движения... На что жить? Что я отправлю семье?» От этих мыслей комок подкатил к горлу, на глаза навернулись слёзы... И я зарыдал. Впервые за много лет.

Я родился морозным декабрьским утром в новоиспечённой семье студентов Целиноградского педагогического института, которые ещё девять месяцев назад не подозревали о существовании друг друга. Она — невысокая брюнетка, кудрявые волосы до плеч, отличница, танцевала в народном ансамбле. Он — отслуживший армию третьекурсник, комсорг курса, русская и корейская кровь пополам, привыкший быть на виду. Я бесцеремонно вмешался в их жизнь. Сделал это так резко, что моя будущая мама, поняв, что беременна, из страха перед родителями собрала вещи и чуть было не уехала на БАМ — гремевшую тогда на весь СССР комсомольскую стройку. История умалчивает, как об этих планах узнал мой отец, но, узнав, он взял ответственность на себя: предложил растерянной девчонке выйти замуж — и позво-

лил мне появиться на свет.

Первые месяцы жизни прошли весело. Из старого чемодана мне сделали кроватку, соседи по общежитию наделили пелёнок. Мама в перерывах между парами прибегала меня кормить и пеленать. Судя по всему, мне нравилась такая жизнь. Как она вспоминает, я никогда не плакал, всегда улыбался, а если мне было что-то нужно, лишь неназойливо кряхтел.

Как только я подрос настолько, что мог обходиться без маминого молока, настала очередь дедушек и бабушек приложить руку к моему воспитанию. Бабушки практиковали радикально разные методы. Родители мамы — бабушка Маша, урождённая Абрамова из села Барановичи Смоленской области. В восьмилетнем возрасте была угнана немцами в Польшу, где до конца войны помогала по дому и хозяйству зажиточной полячке. Бабушка с детских лет научилась скрывать свои эмоции и еврейское происхождение. О том, что я не только русский, кореец, но и еврей, я узнал уже после её смерти. Дед Иван — сын обедневшего казака с Поволжья. В 1943 году, в восемнадцатилетнем возрасте, окончив школу младших полевых командиров, был призван на фронт. Дошёл до Кёнигсберга и закончил войну капитаном — командиром артиллерийской роты. За время войны получил несколько ранений, совершил ряд подвигов, о которых наша семья узнала только в 2016 году благодаря сайту podvignaroda.ru.

Мамины родители жили в пригороде Целинограда, по-

этому первым счастье общения со мной досталось им. По тем временам дед Иван и бабушка Маша были продвинутых взглядов. Выкатывали меня спать на мороз, легко одевали, подолгу гуляли со мной на воздухе, и эта тактика работала. Не знаю, мёрз ли я во время их экспериментов, но не болел совсем.

Родители папы были другими. Дед Илларион, кореец, депортированный в Казахстан с Дальнего Востока в четырнадцатилетнем возрасте. Сын православного священника корейского села Благословенное. В 1931 году по Приамурью прокатилась волна раскулачивания, которая затронула и его семью. В последний раз, когда он видел своих родителей, они разбудили его, восьмилетнего пацана, ночью, попросили быстрее одеться и отвели к тётке. Сказали, что уходят в Харбин и скоро вернутся за ним. Взяли с собой младшую сестру. И навсегда исчезли в ночи. До 1937 года дед работал на лесоповале. С началом депортации корейского населения его посадили в вагон-теплушку и вместе с тысячами других корейцев отправили в Казахстан. В Центральном Казахстане в селе Вознесенка его приютили местные жители. К началу Великой Отечественной войны, в возрасте восемнадцати лет, он, работая слесарем на местной маслобойке, стал незаменимым специалистом, мастером на все руки. Проводил первое электричество в деревенские дома, ремонтировал любые электрические и механические устройства. Его супруга, моя бабушка Настя, была первой красавицей на деревне. Дочь

русских переселенцев из Псковской губернии. Пела, играла на гитаре и, конечно же, не могла пройти мимо скромного, статного корейца с золотыми руками.

Их подход к моему воспитанию был простым — устроить всё так, чтобы я не мог навредить себе. Когда меня впервые привезли к ним, я уже всюду ползал и даже пытался что-то говорить. Дед тогда много работал на маслобойке, а по вечерам возился в своём гараже, ремонтируя всё, что несли ему односельчане, — от велосипедов до телевизоров. Бабушка целый день хлопотала по хозяйству, периодически заходя в дом, чтобы поесть самой и меня покормить. Для моей безопасности была придумана гениальная вещь — поводок из верёвки, который бабушка привязывала одним концом к моей ноге, другим — к ножке кровати. Длины поводка хватало, чтобы я мог залезть на подоконник, и не хватало, чтобы я мог дотянуться до раскалённой печи. В перерывах между сном и едой я сидел на подоконнике. Часами разглядывал разноцветных кур во дворе, наблюдал за собакой и непрерывно жующими коровами, не переставая удивляться всему этому разнообразию. Улыбался, что-то кричал, тыкал пальцем в окно — в общем, было здорово. И безопасно. Правда, стал простывать от малейшего сквозняка, но это были мелочи.

Глава 4. Крылатые качели

Так я переезжал от бабушки к бабушке. При них я в девять месяцев научился ходить и говорить, пока мама и папа продолжали учёбу, готовясь стать педагогами. На глазах у бабушек я познавал мир: меня перекидывал через себя бык, которому я помешал пройти; соседка ловила меня за ногу, когда я уже переваливался в колодец, чтобы разглядеть, кто же кричит мне из него в ответ; я практически сварил левую руку, пытаясь пощупать, что же так красиво булькает в ведре.

Наконец мама окончила институт. Папа, к тому времени отработав два года директором школы в своей родной деревне, решил делать карьеру по партийной линии. Он получил назначение парторгом в небольшое село Отрадное, в тридцати километрах от родительского дома. И мы всей семьёй поехали в свой первый дом.

Дом стоял на центральной улице посёлка — пять домов совхозного начальства. Печное отопление, но с водопроводом и унитазом. Дом мне казался огромным, как и мир вокруг него.

В пятилетнем возрасте я быстро осваивал территорию. С соседскими пацанами бегал на речку. Денис, двенадцатилетний сын совхозного прораба, сделал мне из ветки удочку и научил рыбачить. Процесс ловли пескарей меня настолько

захватил, что я мог целыми днями стоять на берегу реки, забыв о голоде и холоде. Мы купались на мелководье, бежали в одних трусах по пыльным совхозным дорогам. Вместе с соседом-одногодком Серёгой учились кататься на велосипедах. Здесь у меня была первая детская любовь. По выходным папа брал меня с собой, сажал на колени и давал порулить служебным «москвичом». В Отрадном родился мой первый брат. Здесь же я пошёл в школу, после этого произошло ещё одно важное событие: папа для ускорения своей карьеры поступил в высшую партийную школу в Алма-Ате. Мама решила вместе со мной и братом ехать вслед за ним. Пришло время расстаться с любимым посёлком и друзьями. Не знаю почему, но Отрадное — единственное место на земле, при воспоминании о котором у меня щемит внутри от чувства ностальгии.

В Алма-Ате мне не понравилось сразу. Большой город, пустая квартира, полная тараканов, которых я впервые увидел здесь. Какие-то странные люди: никто не здоровается со мной на улице. Ближайшая к нашему дому школа оказалась переполненной. И мама была вынуждена пристроить меня в класс для «музыкально одарённых детей». Хор, состоявший из учеников этого класса, был постоянным победителем всевозможных городских и республиканских конкурсов. Записав меня туда, мама поступила опрометчиво: петь я не умел, но любил. На первых занятиях я скромно наблюдал, как учительница приглашала выйти перед хором кого-ни-

будь из мальчиков или девочек для исполнения сольной партии. Я слушал солистов и с каждым разом всё отчётливей понимал: я же лучше пою! Было странно, почему меня не зовут быть солистом. Наконец до меня дошло: учительница просто не слышит мой прекрасный голос! И, выждав момент, я запел громче всех. Учительница в недоумении остановила дирижёрским жестом хор и, глядя на меня, спросила: «Ким, что это было?» Я смущённо промолчал, понимая, что она просто не поверила своим ушам, услышав такое красивое пение. «И-и-и раз-два-три», — взмах палочки, вступает хор, и снова мой шикарный голос звучит громче всех.

— Ким! Заткнись! — тряся руками и выкатив на меня глаза, закричала учительница. — Заткнись, чтобы я тебя не слышала! Ты понял меня?!

— Понял, понял, — изумлённый такой странной реакцией, закивал я в ответ.

— Просто открывай рот! Молча! Понял?!

— Да.

Так, едва начавшись, закончилась моя певческая карьера. С того дня уроки пения стали для меня настоящей каторгой, просто открывать рот было очень скучно.

Спасение пришло откуда не ждали. Наш класс наконец отправили на городской конкурс хорового пения. Родителям раздали приглашительные и заставили скинуться на пошив костюмов для выступления — белые рубашки и красные шорты-комбинезоны с вышитым на груди скрипичным

ключом.

На сцене концертного зала, где проходило наше выступление, были установлены в ряд скамейки разной высоты, на которые нас выставили лесенкой, друг за другом. Моё место оказалось в середине самого последнего ряда. Зал затих. Включились софиты, взмах палочки, и... полились прекрасные звуки. Многоголосый детский хор исполнял песню «Крылатые качели». Я открывал рот и смотрел по сторонам, наблюдая, с каким торжеством и упоением отдаются пению мои одноклассники. К середине «Качелей» я заскучал и стал строить рожки соседям. А что ещё делать второкласснику, молча открывающему рот во время выступления в концертном зале?

Кто-то из соседей заметил и стал отмахиваться от меня. Завязалась тихая потасовка, в результате которой я потерял равновесие. Считанные секунды — и весь наш прекрасный хор завалился на пол, превратившись в кричащую кучу малю. Домой я шёл один. Мама сказала, что я «позорище» и ей за меня стыдно. На следующий день на собрании класса меня исключили из хора, проведя через строй ребят-одноклассников, которые пробили мне «санчины» — удары в солнечное сплетение на выдохе. Зато теперь мне больше не надо было ходить на занятия хора, чтобы, умирая от скуки, открывать рот.

Глава 5. Дед Иван

Год в Алма-Ате пролетел быстро. Этот город мне запомнился высокогорным катком «Медео», где я впервые встал на коньки; походами с отцом в горы, где мы забирались на зелёные вершины и, наблюдая сверху за отарами овец, пасущихся на горных лугах, ели копчёное сало с чёрным хлебом. Это была самая вкусная еда на свете. По дороге назад мы могли нарвать огромных красных яблок — алматинского апорта. Или абрикосов, которые растут здесь повсюду, как берёзы где-нибудь на Среднерусской возвышенности.

У папы закончилась учёба, и мы поехали в пригород Целинограда к маминим родителям — пожить немного, пока мама и папа решат со своей дальнейшей работой.

Я был очень рад увидеть деда и бабушку. Дед Иван и бабушка Маша делали вид, что строги со мной, но я знал, как сильно они меня любят.

Дед после войны продолжил службу сначала в Кёнигсберге, а затем на семипалатинском ядерном полигоне, куда переехал из Калининграда (Кёнигсберга) со всей семьёй, которой успел там обзавестись. Сколько точно они там прожили, я не помню. Дед лишь иногда рассказывал, как во время ядерных взрывов у них выбивало ударной волной стекла в доме — так близко от полигона находился дом. После взрыва обычно по военному городку проезжали строители, заме-

ряли выбитые окна и двери и оперативно всё восстанавливали. Я тогда не знал, что дед в свои 58 лет был уже смертельно болен раком и что год после Алма-Аты станет последним годом, когда я буду с ним рядом.

Дед просыпался рано утром, в пять. Я обожаю вставать вместе с ним. Он первым делом жарил кусок солёного сала с прослойками мяса, делил его пополам — себе и мне. Мы его ели с хлебом, пили чай, и дед начинал бриться опасной бритвой. Это был целый ритуал. Он неспешно правил бритву на кожаном ремне, наводил в чашке пену, устанавливал перед собой специальное зеркало и приступал к бритью. Было что-то магическое в этом процессе. Потом дед уезжал на работу, а я собирался в школу. Круто было на каникулах, когда после утреннего ритуала дед брал меня с собой в тракторно-полеводческую бригаду, где он был бригадиром. Я весь день мотался с ним по полям, катался с мужиками на комбайнах, ел вкуснейшую еду из полевой кухни и вырубался по дороге домой, а по приезде дед осторожно меня будил, и я, счастливый, брёл, спотыкаясь спросонья, до своей кровати.

Непростая была у него судьба. Травмы войны долго давали о себе знать. Демобилизовавшись с военной службы, дед с бабушкой приехал на Целину, и он долго не мог найти себя на гражданке. Работал слесарем в тракторных мастерских, землемером, кем только не работал. И пил. Пил по-чёрному. Его выгоняли с работы, он устраивал дома дебоши, лупил жену и детей. Пока в один из дней не собрал вещи и, заявив,

что, пока пить не бросит, домой не вернётся, ушёл. Вернулся, по рассказам бабушки, через месяц. Другим человеком. И с тех пор к спиртному не прикасался.

Устроившись в тракторно-полеводческую бригаду механизатором, дед быстро стал бригадиром — пригодился командирский опыт. Через несколько лет его бригада гремела на весь Казахстан благодаря самым высоким урожаям пшеницы. У деда было много наград — как фронтовых, так и гражданских. О войне он никогда не рассказывал, только 9 Мая я замечал, как при звуках песни «День Победы» у него дрожали губы и по щекам текли слёзы. Его высшей гражданской наградой был орден Ленина, который деду вручили за трудовые победы. Чуть-чуть не хватило до Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Подкосила болезнь.

Ну а пока у нас был целый год впереди. И дед предложил заняться музыкой.

— Хочешь?

— Хочу!

— На чём хочешь играть?

— Не знаю.

— На аккордеоне будешь?

— Буду!

Так я стал аккордеонистом. Учась в третьем классе общеобразовательной школы, начал регулярно заниматься на аккордеоне. Благодаря хорошему слуху дела быстро шли в гору, и меня записали в школьный кружок. В кружке, помимо

меня, были балалаечники и ещё один аккордеонист. Мы разучивали разные незатейливые мелодии и ездили по району с выступлениями. Мне нравилось. А ещё мне очень нравилось читать. С первого класса я поглощал книги тоннами. Перечитал всё собрание сказок Афанасьева, зачитывался сказками народов мира, братьев Гримм, Христиана Андерсена и многих других. Благодаря книгам я очень хорошо читал вслух. И, как говорила учительница начальных классов, у меня была хорошая дикция. Это заметили школьные организаторы и стали брать меня на разные партийные и комсомольские конференции, чтобы я с какой-нибудь девочкой со сцены читал приветственные стихи. Так и гастролировал — читал стихи, играл на аккордеоне до одного случая.

В нашем городе проходила республиканская комсомольская конференция. Съехались делегаты со всей республики, огромный Дворец молодёжи был забит битком. В президиуме заседали комсомольские и партийные лидеры Казахстана. Мне вместе с группой таких же ответственных детей было поручено приветствовать президиум и возложить (по-другому не скажешь) букет из трёх гвоздик на стол перед каждым членом.

Я выбегал на сцену первым. Добежал до края стола, встал и повернулся влоборота лицом к залу. Дождавшись, пока выстроится шеренга, вместе со всеми прокричал приветствие участникам конференции от пионеров Казахстана. Затем мы развернулись, синхронно возложили цветы, отдали

салют и побежали со сцены. Пробежав пару человек президиума, я заметил, что у одного из них нет цветов. «Не хватило?! — подумал я. — Как же так, что делать?» Я остановился посреди сцены, мозг лихорадочно искал решение. Учительница, увидев моё замешательство, остервенело замахала рукой: «Сюда, сюда! Беги сюда, придурок!» Тут я наконец сообразил. Быстро вернулся к своему коммунисту, взял у него один цветок, положил обделённому дядьке и побежал со сцены. Зал взорвался от смеха... Что потом было! Каких только слов я не услышал в свой адрес от ведущей кружка. Что опозорил всю школу. Что не достоин звания пионера. Стыдобища! И всё в таком духе... Приехав вечером домой, сказал деду, что не хочу больше участвовать в кружке и играть на аккордеоне.

— Почему?

— Мне не нравится.

Так после певческого фиаско не вышел из меня и аккордеонист.

Глава 6. Где ремень

Пролетел ещё один год. Я окончил третий класс отличником, прославившись на всю школу своими сочинениями на вольную тему.

Папа, попробовав себя в роли тележурналиста — ведущего новостей на областном канале, решил продолжить работу по партийной линии. Его назначили заведующим организационным отделом райкома партии в село Краснознаменское, в двухстах километрах от дома дедушки и бабушки, в котором мы жили. Мне нравились перемены, и я с радостью ждал переезда.

В Краснознаменском освоился быстро. Недалеко от дома был стадион, где я, познакомившись с местными пацанами, с утра до вечера гонял в футбол. Постепенно семья обзавелась хозяйством: коровой, курами, индюками — и свободного времени стало меньше. Чистить картошку и мыть посуду я научился с пяти лет. В десять уже активно помогал по хозяйству: мыл полы, посуду, топил печь, убирался во дворе и в нашем большом доме. Кормил животных и ухаживал за ними. После бабушкиного дома, где она ничего не давала делать, мне было трудно въехать в ритм и дисциплинированно выполнять свои обязанности. Но со временем втянулся, и мне всё больше нравилось ощущать себя хозяином. Я любил, когда родители с младшим братом уезжали и можно бы-

ло в тишине сделать генеральную уборку — никто не мешал. Главный приз — это реакция мамы, когда она по приезде обходила все комнаты, нахваливая меня, а в конце обнимала и целовала. После такого ритуала мне хотелось летать от счастья. И с каждым разом я всё серьёзней подходил к уборке, промывая и вытирая пыль в самых дальних уголках — сверху, снизу, под ковром, под диваном. Добивался, чтобы не только видимые, но и невидимые части дома сверкали от чистоты. Я рос живым и крайне любопытным ребёнком, не вписывающимся в рамки прилежного ученика и тем более образцового пионера. Сколько себя помню, взрослые пытались подогнать меня под общепринятые мерки.

Лупить ремнём меня начали в полтора года. Отец как-то сказал: «Хватит с ним разговаривать, пора бить начинать». И выпорол меня. За что был тот первый раз, уже никто не помнит. По мере моего взросления наказания учащались: не выучил уроки, не помыл посуду, поздно пришёл, задавал слишком много вопросов учителю — поводов было хоть отбавляй. Единственный период без отцовского ремня — время, когда мы жили у маминых родителей. Отец деда уважал. И побаивался проявлять при нём свои не самые лучшие качества.

Жизнь в Краснознаменке началась бодро. Но постепенно атмосфера в семье ухудшалась: отец всё чаще приходил домой не в духе, мама, работая на полторы ставки учителем математики, допоздна задерживалась в школе, затем дома до

полуночи проверяла тетради. Скандалы, как правило, начинались с мелочей. Но так как ни мама, ни папа не хотели уступать друг другу, ссоры разрастались до непрекращающегося ора и могли длиться часами. Этот непрекращающийся ор стал обычным явлением в нашей семье. Самым ужасным временем суток для меня были утро и вечер. Утро всегда начиналось с ругани. Папа, собираясь на работу, начинал кричать, если чего-то не мог найти, мама тоже кричала в ответ. Вечером, когда отец приходил с работы, я обычно мыл посуду или полы. Как только слышались его шаги, у меня всё сжималось внутри. Я знал, что сейчас он поест и будет меня бить. Иногда проносило. И отец, поужинав, молча шёл смотреть телевизор, а затем спать. Иногда — нет. В первое время я лихорадочно перебирал в голове варианты — за что сегодня может прилететь, пытаюсь продумать защиту. Но быстро поняв, что никакие аргументы от наказания не спасут, обречённо ждал. С одним желанием: если экзекуция неизбежна, пусть она поскорей начнётся.

— Дневник неси!

— Вот.

— Почему не записаны домашние задания?!

— Забыл. Пап, я щас, быстро позвоню Серёге или Тане, они мне скажут, и я запишу!

— Ах ты забыл?! Забыл?! Ах ты ж скотина! Ты когда научишься не забывать?! А?! Я тебя спрашиваю! Неси ремень!

— Папа, не надо! Пожалуйста! Я больше не буду! — на-

чинал я его уговаривать сквозь слёзы.

— Неси ремень, я тебе сказал! Забыл он! Скотина! Подонки! Выродок!

В этот момент я начинал плакать и умолять его не бить, но он уже не мог остановиться и, приговаривая на ходу: «Где ремень, где ремень, где ремень», шёл в свою комнату, находил ремень и начинал меня бить. Часто до иступления, пока не уставал.

— Ты у меня синий будешь, — часто говорил он.

И я действительно постоянно ходил с синяками. При этом долгое время не испытывал к отцу обиды, злости, а тем более ненависти. Только боль, страх... И любовь. В те редкие моменты, когда он был в хорошем настроении и брал меня на рыбалку или звал что-то вместе поделать по дому, я был счастлив. И мечтал только об одном — чтобы такие моменты никогда не заканчивались. Но проходило время, и отец снова погружался в бездну собственных страхов и боли, которые превращали в ад и его жизнь, и нашу.

Глава 7. Учительница

Мама рассказывала, что к концу первого учебного года в Краснознаменке на переменах она входила в учительскую как на Голгофу.

— Ваш Дима опоздал на урок.

— Ваш Дима разговаривал.

— Ваш Дима бегал по коридору во время перемены.

— Ваш Дима... ваш Дима... ваш Дима...

Мама каждый раз терпеливо обещала со мной поговорить и разобраться.

Ловила меня на переменах, просила быть самым прилежным учеником. Когда решала, что я не прислушиваюсь к её просьбам, рассказывала отцу. Он меня воспитывал ремнём. Иногда, когда мне особенно сильно доставалось, я показывал свои синяки одноклассникам, те рассказывали обо мне другим ученикам, постепенно эта информация дошла до учителей, и скоро вся школа знала, что меня лупят дома за малейшую провинность. В учительской во время перемен к маме выстраивалась очередь из желающих сообщить о моих проступках.

Дальше всех пошла наша классная руководительница. Всегда спокойная, полная женщина, мать двоих сыновей, она любила приходить к нам домой в то время, когда там был отец. Чтобы лично убедить его в том, что я позорю его чест-

ное имя. Затем наблюдала, как он меня избивает. Убедившись, что цель достигнута, вежливо прощалась и уходила домой.

Во время одного из таких визитов она присела напротив отца за обеденный стол и, как обычно, начала:

— Дима сегодня на уроке биологии разобрал автоматическую шариковую ручку так, что она разлетелась по всему классу. Сорвал урок.

— Хорошо, я с ним разберусь, — говорит отец, продолжая есть борщ.

— Снова бегал как угорелый на перемене.

— Угу, я всыплю ему, — откусывая кусок хлеба, произносит отец.

— Прогулял географию.

— Вот гадёныш! Я разберусь с ним! — сказал отец, продолжая есть.

Я стоял в дверном проёме кухни и молча слушал. Она говорила правду. Всё внутри привычно сжалось от страха, резко захотелось в туалет. Я терпеливо ждал, когда отец начнёт привычную процедуру. Но он почему-то не начинал. Видя, что отец в этот раз как-то не заводится, классная продолжила:

— Он, когда бегал на перемене, толкнул девочку из младших классов.

Я в недоумении посмотрел на неё: «Какую девочку?»

— Ей стало плохо, мы уже думали скорую вызывать, —

продолжала она.

— Какую девочку? Зачем вы обманываете?! Папа, это неправда! Она врёт! — не выдержав, закричал я во весь голос.

— Ты как с учительницей разговариваешь?! — взорвался отец. — Ну всё!

Он вскакивает из-за стола.

— Ублюдок! Выродок! Скотина! — кричит отец и, схватив меня за волосы, тащит в зал.

— Папа, не надо! Умоляю, пожалуйста! Не надо! Это неправда! — зарыдал я от обиды и бессилия, понимая, что мои крики и мольбы ничего для него не значат. Дотащив меня до дивана и швырнув на него животом вниз, с криками «Убить не убью, но инвалида из тебя сделаю!» отец принял-ся бить меня кулаком по спине. После нескольких тяжёлых ударов потемнело в глазах. Я стал звать на помощь. Меня спасло, что в этот момент в дом зашла мама со своей подружкой. Не без труда им удалось оттащить от меня отца.

Сквозь мутную пелену я увидел её. Она невозмутимо смотрела мне прямо в глаза. Спокойно вздохнув, как всегда вежливо попрощалась и пошла домой, к своей семье.

Боль в спине через пару часов прекратилась, и я смог продолжить заниматься домашними делами.

На следующий день был выходной. Я вышел во двор и, почувствовав резкую боль в области поясницы, потерял сознание. Очнувшись, добрался до своей кровати и стал звать

маму.

— Мама, мне плохо, голова кружится, — произнёс я, когда она зашла.

В следующий час температура поднялась до 40 °С.

Папа поначалу не верил, говорил, чтобы я не симулировал и чтобы мама перестала заниматься ерундой, пытаясь сбить мне температуру. Но, посмотрев на градусник, он всё-таки поверил и вызвал неотложку. Когда скорая приехала, он помог меня вынести и попросил врачей, чтобы те внимательно осмотрели мои почки.

— Они у него что-то слабые, — сказал папа, когда врачи закрывали за мной задние дверцы машины.

Глава 8. Дима, помоги

Я проснулся ночью от шума в коридоре. Отец поздно вернулся, маме это не понравилось, и она устроила скандал. Слово за слово началась потасовка. Отец, безусловно, был физически сильнее мамы и в ярости стал её бить.

— Дима, помоги! Дима! — звала меня мама.

Я не мог пошевелиться. Спрятавшись с головой под одеялом, я слушал мамины крики о помощи и, вцепившись зубами в подушку, беззвучно рыдал, ненавидя себя за трусость.

Через какое-то время крики в коридоре стихли. И я обесиленный уснул, обмочившись в ту ночь. Проснувшись рано утром, быстро оделся и побежал в сарай. Почистил стойло у коровы, накормил всю живность. Вернувшись в дом, застал маму на кухне. С красными от слёз глазами и кровоподтёком на лице она готовила завтрак.

— Дима, я тебя ночью звала. Почему ты не вышел?

— Звала? Я не слышал, мам. А что случилось? — произнёс я неестественным голосом, чувствуя, как от этого вранья чёрная муть забурила внутри меня.

— Да так, ничего, с отцом поругались. Видишь? — показывая мне своё лицо, сказала мама.

Я быстро переоделся и, не завтракая, чтобы не столкнуться с отцом, побежал в школу.

Всю дорогу к школе я проревел, пытаюсь найти себе

оправдание и облегчить боль, но облегчение не приходило. «Как я мог оказаться таким трусом?! Не защитил маму — самого близкого человека! Маму, которая всегда встаёт между мной и отцом в моменты, когда он бывает особенно жесток. А когда помощь понадобилась ей, я струсил. Я ничтожество! Ненавижу себя! Мама, мамочка! Любимая, прости меня!» — рыдал я.

Весь день в школе я не находил себе покоя. Пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку для своего оправдания, я рассказал об этой истории нескольким друзьям из неблагополучных семей. У каждого такого друга случались похожие истории — когда папа, обычно пьяный, пытался бить маму. И все мои друзья, такие же десятилетние пацаны, бросались на защиту своих матерей. Кто вцеплялся зубами, кто пытался бить кочергой, кто просто вставал между разъярённым отцом и матерью. И только один я трусливо дрожал и ревел под одеялом.

К концу дня я окончательно убедился в том, что я — конченный человек.

Глава 9. Это мое место

После той ночи я вдруг стал придавать значение словам и моментам, на которые раньше не обращал внимания. Приходя в гости, на дни рождения к своим благополучным одноклассникам, я начал замечать, как их хвалят родители. Стал задумываться, когда их хвалили учителя. Какое-то время пытался подражать этим всеобщим любимцам. Пытался говорить как они, копировал походку, почерк, смех. Надеялся, что, если буду как они, меня тоже полюбят. Но из-за такого поведения стал лишь объектом насмешек.

Как-то раз к нам приехали важные гости из областного центра. Я помог маме накрыть на стол. Началось веселье. Громкие разговоры, смех, сигаретный дым. Отец никогда не курил в доме, но таким гостям можно было всё. Я в это время помогал маме на кухне. После очередной смены блюд разговор зашёл о детях. Гость с особой теплотой и гордостью рассказал о своих. Отец в ответ ничего не стал рассказывать. Лишь заметил: «Здорово. У тебя дети как дети, а у меня выродки какие-то!» И засмеялся. Гость почему-то смех не поддерживал.

Постепенно я скатился в учёбе, стал забывать о домашних обязанностях. Посыпались двойки и скандалы из-за небрежных комнат или невымытой посуды. В школе перестал стоять за себя. Это быстро просекли окружающие. Сразу на-

шёлся одноклассник, а за ним и несколько ребят из старших классов, которые считали своим долгом меня унижить: пнуть, ударить, оскорбить, порвать мою школьную сумку или одежду. В ответ я лишь улыбался, пытаюсь им подыгрывать, как будто мне тоже смешно. Иногда плакал, когда было особенно больно. Дома отец, не понимая, что со мной происходит, становился всё более жестоким. Стал бить уже не просто ремнём, а пряжкой, затем в ход пошло всё, что попадало под руку, а потом и кулаки. За двойку, за невымытую кастрюлю, за нечищенный двор, за грязные полы — поводов было хоть отбавляй. В перерывах между избиениями я пытался ему во всём угодить, заискивал. Но это не помогало. Приносил очередную двойку и следом получал очередную порцию синяков. Так продолжалось до шестого класса. Пока в один из дней я не взбунтовался.

На киносеансе в школьном кинотеатре я сидел в первом ряду. Выскочил на пару минут в туалет. Когда пришёл, увидел, что на моём месте сидит Николай, тот самый одноклассник, который использовал любой повод, чтобы меня унижить. Он, как тогда выражались, «держал шишку» в классе, то есть был тем, кого все боялись. Я, неожиданно для себя, подошёл к нему и сказал: «Это моё место». Он сначала обалдел от моей наглости, но, придя в себя, ответил: «Было твоё — стало моё, пошёл вон отсюда!» — и попытался пнуть меня. Я перехватил ногу и с силой выдернул парня с места. Не давая опомниться, навалился сверху и стал бить его по голо-

ве что было сил. Он закрылся руками, но это мало помогало. Все повскакивали с мест и, окружив нас, болели за Николая: «Коля, давай! Ты чё, Ким, офигел, что ли?!» Я бил его до тех пор, пока он не закричал: «Хватит! Всё, хватит!» Я пришёл в себя и остановился. В течение следующей недели, обратившись за помощью к десятикласснику, который очень уважал мою маму, я разобрался с двумя парнями из старших классов — с теми, кому нравилось пинать меня на переменах. В слезах они просили у меня прощения. И я их простил. Больше в школе никто никогда надо мной не издевался.

Дома было сложнее. Во время очередной экзекуции я не закричал привычно: «Папа, не надо!» — а, стиснув зубы, не моргая стал смотреть ему прямо в глаза. Это отца шокировало. «Что ты пялишься, скотина?! Что ты сопишь?! Ах ты урод!» — остервенелю охаживал меня пряжкой отец. В тот раз я огрѐб особенно сильно. Но не проронил ни звука.

После того случая я дал себе клятву, что как можно скорей разовью себя настолько, что смогу противостоять любому и, главное, отцу. Занялся спортом, дома по вечерам таскал гирию, доил корову утром и вечером, прокачивая кистевой хват, ворочал на совхозной ферме пятисоткилограммовые тележки.

Тактику с отцом я тоже сменил: перед следующей экзекуцией просто не пришёл домой ночевать. С тех пор и до четырнадцати лет я регулярно уходил из дома. Летом спал в подвале недостроенной пятиэтажки или на чердаке наше-

го дома. Зимой — в переговорном пункте, где было тепло и добрые телефонистки меня не выгоняли. Мама вылавливала меня в школе и просила вернуться домой, чтобы я перестал позорить семью. Я ставил условие: отец должен перестать меня бить. Он давал обещание, я возвращался, но потом он не выдерживал, и я уходил снова.

В четырнадцать лет я стал одним из лучших нападающих школьной волейбольной команды, лучшим юным животноводом района, чемпионом школы по гилям и армрестлингу. Восьмой класс окончил на «хорошо» и «отлично». И вот однажды, когда отец пытался меня избить за забытую в общественной бане мочалку, я схватил его за горло. Прижал к стене, но ударить не смог. Не поднялась рука. Не зная, что делать, я отшвырнул его на мешки, стоявшие на веранде, и выбежал из дома. В тот вечер, вняв уговорам мамы, мы собрались на «семейный совет». Отец прочитал длинную гневную речь о том, что я не имею права поднимать на него руку, даже если он будет тысячу раз неправ. Я согласился. И все разошлись спать. Следующие двенадцать лет в семье никто никого не бил.

Глава 10. Пошли вы все!

Ближе к окончанию школы я изменился. Появились цинизм, агрессия, стёрлись многие границы социальных норм. Я мог запросто встать посреди урока и уйти. Прийти, когда захочу. Мог подбить класс сбежать с урока. Стал выпивать и курить. Хотя и не специально, но поджёг школу на Новый год. Вовремя потушили. На оскорбления учителей отвечал отборным матом, если педагог был мужчиной — провоцировал его на драку, вызывая «раз на раз». Любимым выражением стало «Мне похуй!». Обалдев от такого нового меня, учителя наконец отстали. Никто не хотел связываться с отморозком.

В 1989 году партийная структура управления стала повсеместно рушиться. Отец потерял работу, а вместе с ней и служебное жильё. На свой дом скопить ему так и не удалось, поэтому школу я оканчивал у бабушки, в пригороде Целинограда. Мы переехали к ней, когда я доучивался в десятом.

Перед самыми выпускными экзаменами в пьяной драке я получил удар арматурой по голове и две недели пролежал в больнице, восстанавливая речь и координацию. Драка была массовой и прогремела на всю деревню, что дало повод учителям собрать педсовет для вынесения мне приговора — поставить «неуд» за поведение по итогам десяти классов. Это означало, что, несмотря на отсутствие троек по предметам,

вместо аттестата мне выдадут «волчий билет» — справку о том, что я прослушал курс средней школы. Только рыдания мамы, её слёзные просьбы не губить мне жизнь смогли смягчить некоторых её коллег. С перевесом в один голос педсовет проголосовал за удовлетворительную оценку моему поведению, и выдали аттестат.

После школы пытался поступить в сельскохозяйственный институт, но пришёл на экзамен по математике пьяный, после бессонной ночи, и весь экзамен проспал, не выполнив ни одного задания. Следом сдал документы в кооперативный техникум и, пройдя несложные вступительные испытания, оказался одним из трёх парней в группе из двадцати восьми человек.

Это было славное время. Огромное женское общежитие нашего техникума, казалось, вообще никогда не засыпало. Импровизированные дискотеки, которые привлекали мажоров со всего Целинограда, новые знакомства, яркая и весёлая жизнь вызывали во мне жгучее желание соответствовать новому кругу знакомых.

В группе в основном были ребята из состоятельных семей, дети торговых работников. Модно одетые, всегда при деньгах. Я, в дедушкином плаще, в его парадно-выходных лакированных туфлях и вечно без денег, чувствовал себя изгоем на этом празднике жизни. Чтобы исправить ситуацию, вместе со старшекурсниками придумал продавать на дискотеках ёрш — ядерную смесь пива с водкой. Два раза в неделю

нам удавалось таким образом немного заработать. Но этого было мало. У отца имелась машина — красная «девятка», единственная материальная ценность, доставшаяся ему после десятилетий служения идеям коммунизма. Модная тачка по тем временам. И я вместе с новыми друзьями стал по ночам её угонять, чтобы катать девчонок по городу.

Когда понадобились деньги на модную одежду, я стащил отцовский золотой перстень и продал его цыганам. Это стало последней каплей. Отец, невзирая на уговоры мамы, выгнал меня из бабушкиного дома.

Так в семнадцать лет я стал самостоятельным. Какое-то время пожил в общежитии, но скоро меня выгнали за неуспеваемость из техникума и, разумеется, из общежития. Почти год я перебивался случайными заработками. Скитался по Целинограду в поисках ночлега у друзей и знакомых, пока всем не надоел. И меня под разными предлогами перестали пускать.

Но было лето, на дворе первое августа, а значит, день рождения моей любимой девушки Наташи, с которой я начал встречаться ещё в техникуме. Я знал, что мне нипочём любые лишения, пока у меня есть такой человек. Пусть я не нужен родителям, зато всегда нужен ей!

На последние деньги купил три розы и пошёл поздравлять. Наташа жила с мамой и папой в единственном тогда коттеджном посёлке нашего города. Её отец был спортивным функционером. Жили они в достатке. Только пил глава се-

мьи сильно. Он и встретил меня на крыльце уже изрядно пьяный.

— О, Дима! Жених, бляха-муха! Поздравить пришёл?! Ну проходи!

— Да не, спасибо! Можно я здесь подожду? Позовите её, пожалуйста.

— Ну как хочешь, щас! Наташка! Иди! Жених твой пришёл!

Наталя вышла на крыльцо с абсолютно равнодушным лицом.

— Ты чё пришёл?

— Ну как чё? — улыбался я, протягивая ей букет. — С днём рождения тебя!

Наташа молча взяла цветы и бросила мне их под ноги.

— Уходи отсюда, чтобы я тебя больше не видела.

— Почему, Наташа? Что случилось? — недоумевал я.

— Не вижу с тобой никакого будущего, — сказала она, захлопывая за собой дверь.

Я молча брёл к остановке с пластиковым пакетом в руке, в котором умещался весь мой гардероб.

Такого поворота я не ожидал. Просидев всю ночь на остановке, неподалёку от Наташкиного дома, тогда, в первый и единственный раз в жизни, всерьёз задумался о самоубийстве.

Но под утро настроение радикально изменилось.

— Хер вам! Я докажу, как вы были неправы насчёт меня!

— прокричал я вслух.

Через четыре месяца рухнет СССР. Вместе с хаосом и криминалом придут невиданные прежде возможности.

Глава 11. Олег

В тот день, немного подумав, я зашёл в кафе «Луч» — первое частное кафе в нашем городе. Владела им добрая корейская семья — дядя Лёня и тётя Галя. Они были знакомы с моими родителями, но близко никогда не общались.

Я поинтересовался у дяди Лёни, нет ли для меня работы, и попросил помочь с временным пристанищем, пока не смогу снять жильё. Сказал, что меня выгнали из дома, рассказал за что.

Дядя Лёня, недолго думая, набрал полные сумки продуктов и повёз меня к своему сыну Олегу, который жил в трёхкомнатной квартире в «сталинке» недалеко от центра города. Олега и его супругу Марину до этого я видел один раз в своей жизни, но они, как оказалось, хорошо меня запомнили и с радостью согласились приютить.

— Конечно, какие проблемы! Заходи.

Дядя Лёня немного посидел с нами, сказал Марине, чтобы звонила, если что понадобится. Пошептался о чём-то с Олегом и уехал.

На мой вопрос насчёт работы махнул рукой:

— Потом! Располагайся. Еда есть, деньги нужны будут, скажешь. Держи вот, двадцать пять рублей пока, на карманные расходы.

Так я стал жить у Олега с Мариной. Оба они не работали.

Марина пыталась что-то предпринимать на волне кооперации, но безуспешно.

Олег оказался наркоманом.

Чуть позже я узнал трагедию их семьи. Олег в юном возрасте подсел на иглу. Что только не делали родители, чтобы избавить единственного сына от недуга. В какие только клиники не возили. Бесполезно. Проходило время, и Олег принимался за старое. Как-то отец пытался лишить его денег, но через пару дней Олега поймали при попытке ограбления магазина. В конце концов дядя Лёня сдался, купил ему квартиру, обставил её. Нашёл красавицу жену с уже готовым ребёнком и сам закупал для сына наркотики. Лишь бы тот сидел дома и не вляпался ни во что.

Несколько раз в неделю у Олега собирался шалман. Богато разодетые люди, чуть не весь цвет города, приезжали к нему сварить «химку» и уколиться. Вонь от ацетона наполняла подъезд. Но привыкшие ко всему соседи не жаловались.

Я по-другому до этого момента представлял себе наркоманов. Городские легенды описывали их как жутких, потерявших человеческий облик монстров. А здесь я видел дружелюбных, очень вежливых людей, приезжавших на новеньких автомобилях.

Всё тело Олега было в «колодцах». Это такие незаживающие от бесконечных уколов гнойные синяки, под которыми когда-то были вены.

Олег кололся в пах, находил остатки кровеносных сосудов

на ногах и кистях. Последнее время, когда я у него жил, его колол единственный друг-наркоман по кличке Пиня.

Я впервые наблюдал за этой ужасной процедурой: Пиня, заправив шприц, вгонял иглу чуть не по самый корень в «колодец» под лопаткой и начинал её вращать в поисках вены.

Олег стонал от боли. Из «колодца» сочилась кровь впере-мешку с гноем. Наконец Пиня ловил вену и вводил коричне-невую жижу.

Олег облегчённо вздыхал.

— И кайф, и мучение! — любил говорить он, поймав «приход».

В один из дней к Олегу вместо шумной элитной толпы зашли какие-то два опытных наркомана. Судя по лексике и наколкам, бывшие зэки.

Покурив на кухне гашиш и угостив парой затяжек меня, они сварили «химку» из маковой соломки. Набрав шприцы, быстро укололись и помогли Олегу. Пока искали у него вену, обратились ко мне.

— А чё, давай мальчика ширнём? Ты как? — спрашивает меня старший.

— Я? Нормально! — ответил я с полной готовностью испытать новые ощущения.

— Только через мой труп! — корчась от боли, прокричал Олег.

— А чё такого, Олег? — спрашиваю я.

— Я сказал — нет!

— Нет так нет, — пожали плечами каторжане. И, закончив с процедурами, ушли по своим делам.

— Олег, а чё так? Я бы попробовал разок.

— Какой разок? Ты чё?! Ты посмотри на меня! Ты что думаешь? Это жизнь? Какая, на хрен, жизнь! Врагу не пожелаешь! Я же вижу, как ты любишь кайфовать. Тебе одного раза хватит, чтобы подсесть. Понимаешь? А это всё, конец! Что я отцу своему скажу?! Как в глаза ему буду смотреть?! — выдал мне Олег, ещё находившийся под кайфом.

После этого я несколько раз видел, как он мучился во время укола. Видел, как он пытался слезть с иглы. Как сидел во время ломки в ванне с кипятком, в которой вода становилась коричневой от гноя и крови, сочившихся из его «колодцев». Как выпивал стаканами водку, пытаясь подавить абстинентный синдром. Пять-семь дней таких мучений без иглы... И только ему становилось лучше, как приходил Пиня или ещё какой-нибудь «верный друг», и всё начиналось сначала.

Олег через несколько лет умер. Не дожил и до тридцати, разбив сердце своим родителям. Ненамного его пережил отец. Добрый, замечательный человек — дядя Лёня.

Если бы Олег тогда промолчал, я бы попробовал. И, скорее всего, уже не остановился бы. Он не позволил.

Глава 12. Пивной магнат совхозного разлива

Пока жил у Олега, прибился к мажорам, с которыми познакомился во время учёбы в кооперативном техникуме. Целыми днями мы торчали в баре гостиницы «Турист». Вечером перебирались в её ресторан. Насидевшись, шли толпой к кому-нибудь на квартиру и там, накутившись травы, слушали Pink Floyd, Depeche Mode или Цоя.

Так продолжалось несколько месяцев, пока в один из дней я не услышал в ресторане:

— Димон! Братан! Здорово!

Ко мне от соседних столов бежал какой-то парень.

— Женька! Братуха! Здорово! — узнал я двоюродного брата, который был старше меня на два года. Мы крепко обнялись. Я пригласил его за стол.

Женька недавно пришёл из армии. Вернулся в совхоз, где жил последние годы с отцом и мачехой. Мы проговорили с ним до закрытия кабака.

— Ты чем занимаешься? — спросил он.

— Бродяжничаю, — отвечал я. — Тусуемся с парнями, иногда получается «поднять» каких-то денег. По-серьёзному, пока не знаю, чем заняться. Да и не думал об этом. Пусть всё идёт как идёт.

— Поехали со мной в Армавирский? У меня там знакомые грузины шабашат на стройке. До штуки в месяц можно заработать. Поехали? Нормальная тема. Денег заработаем, а там видно будет. Сейчас кооперативы все открывают, может, и мы с тобой что-нибудь замутим?

На том и порешили. На следующий день я собрал вещи, поблагодарил за всё Олега и дядю Лёню. И поехал с Женькой в совхоз.

Там расположились в местной гостинице. За символическую плату нам выделили двухместный номер в глинобитном домике, с туалетом во дворе и умывальником, в который надо было носить воду с колонки. Познакомился с Борей и Гочей. Грузины, родом из Кутаиси, оказались очень душевными парнями. Быстро выяснилось, что стройка для них была лишь ширмой. Основной доход приносили кражи. Они ездили по области, присматривали богатые дома и обчищали их. Вечерами за бутылкой коньяка Боря рассказывал о своей мечте — взять совхозную кассу, чтобы денег хватило на несколько лет. Он хотел путешествовать с девушкой. Гоча был молчуном. Лишь загадочно улыбался, когда Боря мечтательно делился своими планами. Он звал нас с Женькой «на дело», обещал хорошую долю. Но, подумав, я решил, что это не наш путь.

— Надо открыть кооператив, — сказал я. — Вот в совхозе есть новенький Дом культуры. Даже дискотеки иногда проводят, а кафе нет. Некуда молодёжи сходить, вкусняшек

попробовать. Или пива попить. Давай делать молочные коктейли и продавать пиво?

— А где мы возьмём мороженое и пиво?

— Не знаю, достанем где-нибудь.

За время учёбы в кооперативном техникуме я немного разобрался, как работает потребкооперация — огромная всесоюзная система с магазинами, пищекомбинатами, пивзаводами и оптовыми базами. На уровне совхоза за торговлю отвечало сельпо. Туда я и пошёл со своей гениальной идеей.

— Давайте торговать мороженым и пивом! — радостно предложил я им.

— Да где ж ты его возьмёшь?

— А где можно взять?

— Ну у нас есть фонды — лимиты — на Атбасарском молочном комбинате и пивзаводе. Но нам ничего по этим фондам не дают. Райпотребсоюзу даже не дают.

— Так давайте я возьму!

— Да кто ж тебе даст?

— Ну а кто там главный у них? Директор? Вот он и даст.

Председатель сельпо рассмеялся. Но, видимо, я ему чем-то понравился. И он предложил следующую схему:

— Если вдруг произойдёт чудо и тебе что-то дадут, то за проданный товар считаешься наличными в кассу по закупочной цене. Нам чем выше товарооборот, тем лучше показатели. Давай, пробуй развлечь молодёжь.

Я взял доверенность, выписал в совхозе грузовик и поехал

за 220 км в город Атбасар.

Мне понадобилось пять минут, чтобы уломать директора пивзавода дать мне дефицитное пиво по доверенности и договориться, что буду к ним приезжать два раза в неделю.

Первая партия — две тонны пива — разлетелась за полдня. Закупочная цена была пятьдесят пять копеек, продавал за рубль. За вычетом тридцати рублей (аренда автомобиля) на первой поставке я заработал чистыми девятьсот тридцать рублей. Из которых, правда, пару сотен пришлось отдать за мороженое — его никто не захотел покупать. Оно растаяло и в жидком виде было ужасным на вкус.

Так в девятнадцать лет я стал пивным магнатом совхозного разлива.

Два раза в неделю ездил в Атбасар. Грузил там от одной до двух тонн пива и продавал в своём совхозе. Мой портрет бизнесмена выглядел так: худой кудрявый парень стоит целый день возле бочек с пивом у совхозного Дома культуры. Деньги торчат из всех карманов. Вокруг местные мужики на лошадях и мотоциклах пьют водку, запивая её пивом, и угощают меня. Каждый день к вечеру я был изрядно пьян. Но на ногах держался, в отличие от многих своих покупателей.

Внезапно стало очень много денег. И я не знал, что с ними делать. Странное чувство для человека, который свои первые заработанные рубли так и не подержал в руках.

Первые деньги я заработал летом после четвёртого класса, трудясь в школьной бригаде по озеленению. Сорок руб-

лей за месяц. Получать зарплату самостоятельно отец мне запретил. Сказал, что это не мои деньги. И с тех пор, пока мы жили вместе, всё заработанное мною получала мама. Она поступала мудрее. Получив очередную мою зарплату, спрашивала у меня разрешения и совета, на что потратить: отцу нужно купить новый костюм, младшим братьям, которых у меня со временем стало двое, — куртки. Мне было очень приятно осознавать, что я помогаю семье.

Когда я перешёл в шестой класс, моя школа заключила хозрасчётный договор с совхозом и взяла в управление один свинарник на четыреста голов. Ученикам с шестого по восьмой класс было предложено вступить в рабочие «звёздочки», чтобы один раз в месяц работать на ферме. Сначала желающих было много, но уже к концу второго месяца моя «звёздочка» ходила на работу почти каждый день, потому что остальные пионеры сдулись.

На третий месяц часто бывало, что в пять утра я оказывался на ферме один. В одиночку за три часа успевал почистить весь корпус, раздать корм, налить воды. Работа была тяжёлой, ещё и аммиачный запах свинарника въедался в кожу настолько, что от него невозможно было избавиться. Со мной никто не хотел сидеть за одной партой, когда я прибежал на занятия к девяти утра после фермы. Так сильно от меня воняло. Зимой зарабатывал до шестидесяти рублей в месяц. Летом — до ста восьмидесяти. Мама, завуч в школе, получала меньше. Но по решению отца, сколько бы я ни за-

рабатывал, это были не мои деньги. К концу школы я думал только об одном: когда-нибудь докажу родителям, что деньги — это мусор. Заработаю столько, что они не смогут у меня всё забрать, потому что некуда будет тратить!

Так и случилось в Армавирском. Тратить было некуда. Мы с Женькой оделись в самые дорогие шмотки, которые смогли найти тогда в районных магазинах. Периодически ездили на такси в Боровое — в Казахстанскую Швейцарию. Брали с собой совхозных девчонок и угощали их в ресторанах самыми дорогими блюдами и напитками. На большее фантазии не хватало.

Так продолжалось недолго. Я пришёл в сельпо за очередной доверенностью. И застал там сильно расстроенного начальника.

— Звонил председатель райпотребсоюза. Ты за три месяца выбрал годовые фонды на пиво всего района. Он в ярости. Грозится меня уволить, а тебя порвать. Требуется доставить тебя к нему в район.

Быть порванным каким-то злым дядькой совсем не входило в мои планы. Я закрыл остатки задолженности в кассе сельпо, сдал пустые бочки в совхоз, собрал вещи и, попрощавшись с Женькой, уехал в Целиноград.

Глава 13. Зверь

Приехав в Целиноград после краха «пивной империи», я поселился в самом центре города — в гостинице «Ишим». Стандартный номер стоил десять рублей в сутки. Я мог себе позволить жить там несколько месяцев. Снова тусить с мажорами мне не хотелось, и в поисках новой компании я познакомился в баре гостиницы с местными культуристами — Эдисом и Атласом.

Модно одетые качки выделялись из серой городской толпы. Они были странными: тренажёрка, стероиды. Питание и качалка. Вот и все интересы. Но девчонкам нравились, аж жуть. Я тоже был одет по последней моде: джинсы-бананы, яркая куртка реглан. В общем, мы нашли что-то общее. Днём я с ними ходил в качалку. Вечером гуляли по центру, знакомились с девчонками, сидели где-нибудь в кафе или у меня в номере, курили траву и болтали о всеобъемлющем.

Так проходили дни, недели, месяцы. У меня стали заканчиваться деньги. Рассказал об этом Эдису, который был на пять лет старше меня. Мы с ним уже обсуждали, что надо придумать какую-нибудь «тему» и начать зарабатывать. Все идеи Эдиса сводились к криминалу, я был против. Но придумывать легальные способы заработка было лень. Тут Эдис предлагает:

— Поехали в Киев!

— Зачем?

— Дорога сделает всё! Она нам ответит, чем заняться, — выдал он гениальную мысль.

— В Киев так в Киев, — сказал я, и мы, взяв билеты на поезд, отправились в путь.

В Киев мы ехали весело. Угощали попутчиков травой, питались в вагонах-ресторанах. По приезде в этот прекрасный город обнаружили, что денег у нас осталось на две тарелки супа в столовой. Только выйдя на перрон железнодорожного вокзала, мы с Эдисом переглянулись и одновременно произнесли:

— Зачем мы сюда припёрлись?

Это был риторический вопрос, ответ на который нам неинтересно было знать.

— Что будем делать? — спросил меня старший товарищ.

— Давай найдём ночлег.

Мы вышли из здания вокзала и увидели на стене вывеску: «Помощь в заселении. Гостиницы, квартиры, койко-место».

Зайдя под вывеску, нашли там небольшую толпу агентов, которые принялись наперебой предлагать нам жильё.

Из всех золотовалютных резервов у нас осталось только моё массивное золотое кольцо. Так как дело близилось к ночи, нам его было не продать. Предстояло договориться о проживании в долг. Что я и предложил набросившимся на нас маклерам.

— Нужны два места на пару ночей. Деньги завтра.

Агенты, скривившись, разбрелись в стороны.

Оставалось ждать чуда. Подходили новые агенты, но, услышав наше предложение, теряли к нам интерес. В первом часу ночи подошла худенькая женщина лет сорока пяти с красивыми, но уставшими глазами.

— Что, ребят, никто не селит? Откуда вы?

— Из Казахстана. Только что приехали.

— И без денег?

— Ага.

— Зачем приехали?

— Хороший вопрос. Не знаем. Но мы рассчитаемся, вот, — показал я кольцо. — Завтра продам, и всё отдадим.

— Ну пойдёмте со мной. У меня комната для постояльцев есть — шесть коек. Как раз два места свободны.

Её дом находился недалеко от вокзала, в районе Батыевой горы.

Зайдя в тёмный коридор квартиры, я ощутил резкий запах мочи и фекалий. «Что за хрень?» — сморщившись, переглянулись мы с Эдисом. Но вежливо промолчали.

Проследовали в конец коридора большой квартиры. Хозяйка попутно показала нам кухню, ванную и открыла дверь в гостевую комнату. Кивнув на наши кровати, пожелала спокойной ночи и ушла. Туда зловонный запах не просачивался, и мы, решив не пижониться с душем, сразу завалились спать.

Проснулись утром, когда другие постояльцы уже разбежались. Приняв душ (проскочили до него и обратно на задерж-

ке дыхания), мы оделись и направились к выходу: надо было побыстрее продать кольцо и расплатиться за ночлег.

Комната хозяйки была заперта. Проходя мимо пустого зала, я вдруг услышал лязг — как будто кто-то тряс дверь в милицейском «обезьяннике». Заглянув в зал, я увидел в глубине проход в смежную комнату. Дверной проём между нею и залом разделяла решётка. Из-за решётки на меня смотрел зверь. Голый, обросший, нечеловеческого вида мужчина, поймав мой взгляд, принялся рычать и остервенело трясти крепкую металлическую преграду. Я сначала испуганно замер, но любопытство взяло верх, и я подошёл поближе. Оставаясь на безопасном расстоянии, стал разглядывать комнату за решёткой: голый деревянный пол, обшарпанные стены, разодранный матрас. Пол, стены, решётка и сам зверь были измазаны фекалиями. На полу отчётливо виднелись лужи мочи. Зверь снова начал рычать и биться о решётку. Я с опаской отступил.

— Ребята, не подходите близко. Пойдёмте на кухню, я вас чаем напою, — услышал я голос хозяйки.

Мы сели ошарашенные за кухонный стол, не зная, что сказать.

— Это мой сын, — начала рассказ хозяйка. — Четыре года назад его таким привезли из армии. Мне не удалось выяснить, что случилось. Самая правдоподобная версия, что отравился какими-то химическими парами при очистке цистерны. Отравление было настолько сильным, что он впал в

кому. Была клиническая смерть. Но, слава богу, выжил. Четыре года я пытаюсь вернуть его к нормальной жизни. Пришлось бросить работу, продать всё, что было нажито: машину, дачу, ковры, хрусталь. Живём на пенсию сына по инвалидности да койко-места сдаю. Муж не выдержал, ушёл два года назад.

Хозяйка рассказывала и рассказывала нам, куда она обращалась, что пыталась делать, сказала, что сейчас ей надо достать «струю кабарги» — по мнению женщины, она точно должна помочь.

— А у вас в Казахстане нет струи кабарги?

— Не знаю, — ответил я, — но спрошу.

Ей, чтобы помыть сына, приходилось приглашать санитаров, которые втроём едва удерживали его. И за все четыре года у неё ни разу не было мысли сдать сына в психдиспансер, чтобы облегчить себе жизнь.

— Так он нормальный! Это лишь временные трудности.

Я поневоле вспоминал слова своей мамы, когда в старших классах, в самый пик моего бунтарства, она уговаривала меня лечь в психбольницу, будучи абсолютно уверенной, что я сошёл с ума.

В тот день мы продали кольцо, рассчитались с хозяйкой и, потрясённые её историей, приняли решение ехать дальше — в Беларусь. Эдис вспомнил, что у него там живёт дядя, которого надо позвать партнёром в наше предприятие. Какое именно предприятие — не уточнил. Да это было и не важно!

Ведь главное — дорога.

Глава 14. Конопляный угар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.